

Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т.

Источник: <http://litopys.org.ua/rizne/kmto3.htm>

Сохранено в архиве decolonial.ist: 29.08.2026 · файлов в оригинале: 1

Уклінно просимо заповнити Опитування про фемінативи

№ 69

1847 р. травня 26. — ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА І ПРОПОЗИЦІЇ ЩОДО ПОКАРАННЯ ЙОГО ЧЛЕНІВ

Копия

Об Украйно-славянском обществе

Открытие Славянского, или правильнее сказать Украйно-славянского, общества началось от студента Киевского университета Алексея Петрова.

Донесение Петрова

Этот студент, занимая квартиру стена об стену с квартирою коллежского секретаря Гулака и слыша, что собирающиеся у него друзья всегда рассуждают о делах государственных, был столько расторопен, что познакомился с Гулаком, показал вид, будто разделяет его мнения и до такой степени приобрел доверенность, что Гулак допустил его в свои собрания и открыл ему о существовании общества во имя св. Кирилла и Мефодия. Получив таким образом достаточные сведения и видя, что Гулак отправился в С.-Петербург, а равно и некоторые из друзей его выехали из Киева, Петров обо всем донес своему начальству.

Арестование прикосновенных лиц

Сведения об этом генерал-адъютант Бибиков доставил 17 марта; в тот же день Гулак был арестован, и дело началось производством в III отделении с. е. и. в. канцелярии.

Рассмотрение бумаг Гулака с первого раза показало круг друзей его и сомнительность их переписки. Немедленно сделаны были распоряжения об арестовании и отправлении в С.-Петербург оподозренных лиц. Вследствие этого доставлены: из Киева — адъюнкт-профессор университета св. Владимира Костомаров, студенты того же университета Андрузский и Посяда и художник С.-Петербургской Академии художеств Шевченко; из Варшавы — отъезжавший за границу бывший старший учитель 5-й С.-Петербургской гимназии Кулиш и сопровождавший его до границы родственник его, бывший около года на испытании учителем в Полтавском кадетском корпусе, кандидат Белозерский; из Полтавы — действительный студент Киевского университета Навроцкий. Еще потребованы из Киева студент Маркович и из-за границы помещик Полтавской губ. Савич.

Сверх того, по возникшему подозрению были истребованы в С.-Петербург поручики: Новоархангельского уланского полка Ашанин и Азовского пехотного полка Бушен; также осмотрены бумаги в Киеве студента Тулуба, в С.-Петербурге — чиновника министерства государственных имуществ Иславина и бывшего студента Дерптского университета Варадинова. Но все они совершенно оправдали себя, тотчас были освобождены и приняты меры, чтобы невинное их арестование не имело для них по службе неприятных последствий.

Еще арестован возвратившийся из-за границы бывший адъюнкт-профессор С.-Петербургского университета надворный советник Чижев, который однако же оказался только славянофилом 150, поборником русской народности вроде московских ученых и не имел никаких сношений с украино-славянистами. Его откровенное показание имело последствием то, что ему высочайше разрешено, отстранив все идеи и мечты славянофилов, продолжать литературные занятия, но с тем, чтобы он свои произведения вместо обыкновенной цензуры представлял на предварительное рассмотрение шефа жандармов.

Таким образом определилось, что лиц, более или менее виновных по делу об украино-славянистах, десять: Гулак, Белозерский, Костомаров, Кулиш, Шевченко, Андрузский, Навроцкий, Посяда, Маркович и Савич.

Важность дела, представлявшаяся по первоначальным сведениям

Сведения, первоначально полученные и даже открывавшиеся при дальнейшем развитии следствия, представляли Украино-славянское общество весьма в важном виде и многие обстоятельства заставляли думать, что общество имело окончательное устройство тайного злоумышленного дела, ибо у Гулака найден был устав общества св. Кирилла и Мефодия, из правил которого видно, что украино-славянисты предполагали, хотя и мирными средствами, преимущественно распространением образования, соединить все славянские племена и устроить в них народное представительное правление; у некоторых оказались экземпляры рукописи, называемой «Закон божий», или «Поднестриянка», уже не с мирными предположениями, а исполненной революционных и коммунистических правил, с возмутительными воззваниями к племенам славянским; у многих найдены стихи Шевченко, в высшей степени дерзкого и возмутительного содержания и другие рукописи, более или менее подобные первым; самые письма арестованных лиц, даже там, где можно предполагать предмет ученый или литературный, затемнены двусмысленными, напыщенными и вообще чрезвычайно сомнительными выражениями. Притом же студенты Петров и Андрузский в своем показании объяснили Украино-славянское общество как дело прямо революционное. Из них первый утверждал, что Гулак предполагал разными средствами приготовить и потом возбудить славянские племена к восстанию против верховных властей, говорил, что при этом общество будет действовать миролюбиво в отношении к августейшему дому, но если необходимость потребует, то должно будет пожертвовать и царскою фамилиею.

Вследствие таковых сведений состоялось высочайшее повеление о полном подчинении на время Киевского учебного округа в губерниях Киевской, Подольской и Волынской генерал-адъютанту Бибикову 151, а III отделение обратило наивеличайшее внимание на производство дела об Украино-славянском обществе.

Следствием открыто

Хотя Гулак показал необыкновенное упорство и, ничего не открывая, отзывался только одним, что связан честным словом, кому-то им данным, но другие — Белозерский и впоследствии Костомаров — объявили все свои преступления столь откровенно, что нет причины сомневаться, чтобы они скрыли что-либо им известное; равно и прочие более или менее пояснили дело так, что оно может считаться вполне обнаруженным. Сколь ни важна в разных отношениях вина прикосновенных лиц, но собственно политическое зло, к счастью, еще не успело развиваться до той степени, как представлялось по первоначальным сведениям. Доносы

и первые сведения, как всегда бывает, преувеличивали важность, и дело оказалось в виде менее опасном.

Украино-славянское общество

Украино-славянское общество существовало, но только несколько месяцев — в исходе 1845 и начале 1846 г. между тремя лицами: Гулаком, Белозерским и Костомаровым. Некоторые из них называли его обществом св. Кирилла и Мефодия и носили кольца во имя сих святых. Трудно определить, кто первый задумал общество, ибо все они равно преданы были славянским идеям, побуждая друг друга к деятельности, но мысль называть общество во имя св. Кирилла и Мефодия, равно иметь кольца или образа сих святых, произошла от Костомарова.

По словам Белозерского и Костомарова, цель их общества состояла в соединении славянских племен, но они полагали соединить племена под скипетром вашего и. в. Не касаясь до настоящего образа правления в России, они желали только, чтобы имеющие присоединиться к нам иноземные славянские племена устроены были по примеру Царства Польского. Им казалось, что ваше в., по силе духа вашего, одни можете совершить это великое дело, но сомневаясь, чтобы ваше в., занятые внутренним благоустройством государства, соизволили принять участие в этом предприятии, они надеялись достигнуть соединения славян своими средствами.

Средства эти должны были ограничиваться следующими мерами: воодушевлением славянских племен к уважению собственной их народности, изгнанием из нравов их всего иноземного, уничтожением вражды и водворением согласия между ними, склонением их к исповеданию одной православной веры, заведением училищ и изданием книг для простого народа. Они полагали, что славянские племена этими мирными средствами были бы доведены до того, что впоследствии сами слились бы в одно целое. Но цель украино-славянистов при таких средствах была бы достигнута не прежде, как через сотни или тысячи лет (это их собственные слова).

Вскоре Гулак, Костомаров и Белозерский сами увидели, что теоретические предположения их не сообразны с практическим ходом дел и что идеи их были только ученые мечты. Поэтому они в половине 1846 г. прекратили свои занятия, перестали называть круг свой обществом, положив заниматься изучением истории и языков славянских как наукою, без всякой политической цели. Общество тем более не возобновлялось, что Белозерский вскоре после того отправился на службу в Полтаву, а в январе 1847 г. и Гулак выехал в С.-Петербург.

Из этого видно, что Украино-славянское общество существовало только несколько месяцев; во время самого развития своего состояло из трех лиц: Гулака, Белозерского и Костомарова, ибо если другие сближались с ними и слышали об обществе, то единственно или по знакомству, или по сходству ученых занятий, без всяких прямых отношений к обществу.

Белозерский и Костомаров уверяют, что в предположениях, даже в мыслях их никогда не было ни народных потрясений, ни возмущений, ни преобразования законных властей в России, а тем менее каких-либо вооруженных действий.

Костомаров утверждал это и на очной ставке, несмотря на то, что Петров доказывал революционное направление украино-славянистов. Особенно Белозерский заслуживает доверия, ибо он столько показал благородства и откровенности, что без сомнения не скрыл бы,

если б в предположениях их имели место революционные идеи. Быть может Петров, подобно Андрузскому, несколько увеличил дело в своем донесении как по молодости лет своих, так и потому, что суждения, происходившие у Гулака, он слышал частью из-за стены и, следовательно, мог ошибочно понять смысл разговоров. Но не менее того, судя по твердости показаний Петрова, я уверен, что у украино-славянистов много было пустых и неосторожных суждений.

Один Гулак оставался лицом чрезвычайно сомнительным, тем более, что если бы преступление его было не важнее того, как описывают Петров, Белозерский и Костомаров, то невозможно объяснить, от чего он с таким упорством не хотел отвечать на делаемые ему вопросы и даже на очных ставках не сознавался, когда видел, что товарищи его сознались. Должно предполагать, что Гулак отдельно от них в душе своей хранил такие преступные мысли, которые не были известны его товарищам, и во всяком случае вероятно, что человек с таким характером, как он, не остановился бы на мирных средствах, если бы тайные помышления его могли совершиться. Но впоследствии и Гулак сознался в справедливости сделанных на него показаний и даже приписывая себе сочинение рукописи «Закон божий» и устава Славянского общества. При этом сознании, однако же, он отвергает сделанное на него показание студентом Петровым и уверяет, что в его присутствии никогда не упоминал о царской фамилии. Показание Гулака о сочинении им рукописи: «Закон божий» ложно, ибо рукопись эта существовала в 1833 г. 162, т. е. в то время, когда Гулак был еще в детском возрасте. Сомнительно и показание его насчет сочинения им устава Славянского общества потому, что это сочинение приписывает себе и Белозерский, которому, по его откровенности, должно дать веры более, нежели скрытному Гулаку.

Возмутительные рукописи

Далее сознались Белозерский, что устав Славянского общества был им сочинен по примеру уставов учено-литературных обществ, существующих у чехов, лужичан и сербов, и что он же написал рукопись, которую можно назвать объяснением уставу 163; и Костомаров, что он, получив за несколько лет перед сим от служившего в Кавказском корпусе офицера Хмельницкого рукопись «Закон божий», или «Поднестриянка», переписал ее в двух экземплярах.

Белозерский присовокупил, что устав и к нему объяснение он составил еще в бытность студентом, в лета ранней юности, когда в голове его бродили не установившиеся идеи, но потом бросил эти рукописи и более не вспоминал о них. Равно и Костомаров говорит, что рукопись «Закон божий» в первый раз он списал из одного желания собирать редкости, а во второй — потому, что нашел в ней сходство с «Пилигримкою» Мицкевича и хотел сравнить их. Действительно, рукопись «Закон божий» есть не что иное, как переделка книги Мицкевича; переделка же в том состоит, что в «Пилигримке» все приноровлено к Польше, а в «Законе божьем» — к Малороссии. Костомаров полагает, что эта переделка произведена поляками, которые вскоре после мятежа думали волновать и малороссиян. Но при этом случае оба, и Белозерский и Костомаров, решительно утверждают, что ни устав, ни объяснение к оному, ни рукопись «Закон божий», а равно и никакие другие находившиеся у них бумаги, никогда не были основанием или правилами бывшего Украино-славянского общества.

Сверх того, генерал-адъютант Бибилов доставил две печатные книги стихотворений Костомарова на малороссийском языке под названием: «Украинские баллады» и «Ветка»,

обращающие на себя внимание мыслями о прежних набегах казаков и гетманщине подобными помещенным в книгах Кулиша, о которых будет объяснено ниже.

Лица, приближавшиеся к Украйно-славянскому обществу

Некоторые лица не принадлежали к Украйно-славянскому обществу, но по сходству занятий или по знакомству сближались с учредителями общества и знали о нем. Сюда относятся: Навроцкий, Андрузский и Посяда.

Навроцкий состоит в родстве с Гулаком и в продолжении года жил у него на квартире, а потому не мог не знать об Украйно-славянском обществе и предположениях славянистов, но он, по словам Костомарова, входил в круг их, так сказать, физически и, не имея достаточных сведений в славянофильстве, не мог принимать в нем участие ни умственно, ни сердечно. Между тем Навроцкий в показаниях своих решительно не сознается ни в знании об обществе, ни в передаче Белозерскому рукописи «Закон божий», ни в чтении стихотворения Шевченко «Сон». Хотя на очной ставке Петров и Белозерский столь сильно уличали Навроцкого, что он не мог более отзыватья совершенным неведением и сознался в чтении [поэмы] «Сон», но относительно «Закона божьего» остался при своем заперательстве. Поэтому вина Навроцкого важна не по сближениям его с украйно-славянистами, а по упорству его в заперательстве, которое он как бы перенял у родственника своего Гулака.

Андрузский, имеющий от роду 19 лет, показывает по уму и характеру все признаки детства.

Он сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании в России; в этих проектах переходил от мысли к мысли: то допускал императорскую власть в настоящей ее силе, то ограничивал, то предполагал вовсе ее уничтожить.

Точно таким же Андрузский является и в своих показаниях. В первых словесных и письменных ответах он многих называл членами Украйно-славянского общества, иных даже представителями и большею частью говорил о них, как личный свидетель. На очных же ставках смягчал и ограничивал прежние свои показания, иные вовсе отвергал или прямо сознавался, что ошибся и что не видел того, о чем прежде объявлял как очевидец.

Мучимый раскаянием, Андрузский после очных ставок подал объяснение, искренне сознаваясь, что он в прежних показаниях выводил заключения свои из одних слухов, из разговоров студентов и из собственных соображений, считал всякого, занимающегося древними изысканиями, и каждого малороссиянина, любящего свою родину, принадлежащими к Украйно-славянскому обществу, тогда как сам не знал ни о том, существует ли это общество, ни о преступлениях тех лиц, которых оговаривал.

Андрузский при этом сознании изъясняет величайшее раскаяние и все доказывает, что он ошибался по молодости и легкомыслию, но не хотел и не хочет быть клеветником. При том же показание его, хотя исполненное ошибок, было первое, которое правительству в некоторой степени пояснило лиц, прикосновенных к делу Украйно-славянского общества.

Посяда, по всей видимости, вовсе не принадлежал к Украйно-славянскому обществу и хотя прежде показывал, что от Гулака, Костомарова и Навроцкого слышал о составлявшемся обществе, но после очных ставок, подобно Андрузскому, пояснил, что и он ничего не слышал об обществе, а прежде говорил об этом ошибочно потому, что писал свое показание в смущении и в болезненном положении. Если можно считать Посяду виновным, то только в

том, что он в найденных у него записках, которые впрочем никому не показывал, выражал плач о бедственном будто бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами.

Лица, виновные в преступлениях, отдельных от Украино-славянского общества

Двое — Шевченко и Кулиш — оказались также не принадлежащими к Украино-славянскому обществу, но они виновны по своим собственным отдельным действиям.

Шевченко вместо того, чтоб вечно питать благовейные чувства к особам августейшей фамилии, удостоившим выкупить его из крепостного состояния, сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома, забывая в них личных своих благодетелей. Сверх того, что все запрещенное увлекает молодость и людей с слабым характером, Шевченко приобрел между друзьями своими славу значительного малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны. С любимыми стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастии возратить эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства.

Судя по этому чрезмерному уважению, которое питали и лично к Шевченко и к его стихотворениям все украино-славянисты, сначала казалось, что он мог быть если не действующим лицом между ними, то орудием, которым они хотели воспользоваться в своих замыслах; но, с одной стороны, эти замыслы были не столь важны, как представлялось при первом взгляде, а с другой — и Шевченко начал писать свои возмутительные сочинения еще с 1837 г., когда славянские идеи не занимали киевских ученых; равно и все дело доказывает, что Шевченко не принадлежал к Украино-славянскому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственно испорченностью. Тем не менее, по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников.

Вина Кулиша, также не принадлежавшего к Украино-славянскому обществу, в некоторой степени сходна с преступлением Шевченко. Любя пламенно свою родину — Малороссию, он в напечатанных им книгах с восторгом описывал дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства, представлял историю этого народа едва ли не знаменитее всех историй, славу его называл всемирною, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекая, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах; описывал распоряжения императора Петра I и преемников его в виде угнетений и подавления прав народных. Книги Кулиша могли бы производить почти то же впечатление на малороссиян, как и стихи Шевченко, тем более, что сочинены для детей старшего возраста. Разница между ними состоит в том, что Кулиш выражал свои мнения всегда с приличием и, увлекаясь любовью к родине, вовсе не предполагал, что эти мнения его могут быть приняты или истолкованы в дурном смысле. Когда указали Кулишу на двусмысленные места в его книгах, он с ужасом увидел, что мысли его действительно могли произвести вредные последствия.

Кулиш вполне понимает, что сколько ни любил родины своей — Украйны, он обязан быть еще более преданным отечеству — России — и уверяет, что никогда не думал иначе, что выражая

любовь к родине, он и не помышлял смущать или колебать верноподданность ее к престолу вашего и. в.

Общие выводы

Обозрение всех этих обстоятельств приводит к следующим убеждениям: Украино-славянское общество св. Кирилла и Мефодия было не более как ученый бред трех молодых людей. Учредители его Гулак, Белозерский и Костомаров по самому положению ученых людей в свете, конечно, были бы не в состоянии ни вовлечь в свое общество военных или народ, ни сделаться скорою причиною восстания. Но вред от них мог произойти медленный и тем более опасный. Быв при воспитании юношества, они имели случай посеять в возрастающем поколении испорченность и готовить будущие неурядицы. К счастью, зло еще не созрело, частью уничтожилось само собою, а остальное предотвращено распоряжениями правительства.

Дело сие производилось со всею строгостью и можно быть уверенным, что оно вполне исследовано, что следов Украино-славянского общества не осталось и что с арестованием Шевченко и Кулиша ограничены наиболее действовавшие и украинофилы, чего однако же нельзя сказать вообще о славянофилах, о чем будет представлен особенный всеподданнейший доклад, ибо до славянофилов настоящее дело не касалось и не должно было касаться.

Относительно же лиц, прикосновенных к делу Украино-славянского общества, то было бы удобнее подвергнуть их наказанию без суда, но не сохраняя в тайне решения дела, дабы всем известно было, какую участь приготовили себе те, которые занимались славянством в духе, противном нашему правительству, и даже отвратить других славянофилов от подобного направления.

Решение дела

Всеподданнейше докладывая о сем вашему и. в., я нахожу, что настоящее дело может быть решено ныне, не ожидая доставления из Киева студента Марковича и из-за границы помещика Савича, тем более, что они не были участниками Украино-славянского общества и, вероятно, суть только украинофилы 154, следовательно, дело о них может быть произведено и dokonчено отдельно. Входя же в смысл желаний вашего и. в., всегда направленных к высочайшему милосердию, и принимая во внимание молодость прикосновенных лиц (из них только Костомарову 28 и Гулаку 25, а прочим не более как от 19 до 23 лет) и, так сказать, детство их замыслов, я полагал бы ограничиться следующим:

1. Коллежского секретаря Гулака, как главного руководителя Украино-славянского общества, вначале и долго запиравшегося в своих преступных замыслах, а еще более как человека, способного на всякое вредное для правительства предприятие, заключить в Шлиссельбургскую крепость на 3 года и потом отправить его в отдаленную губернию под строжайший надзор 155.
2. Коллежского асессора Костомарова, участвовавшего в Украино-славянском обществе, придумавшего кольца и название обществу св. Кирилла и Мефодия, давшего ход преступной рукописи «Закон божий» и хотя впоследствии откровенно сознавшего я, но тем более виновного, что он был старше всех по летам, а по званию профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления, заключить в крепость на один год и после того

отправить в одну из отдаленных великороссийских губерний на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора 156.

3. Кандидата 10-го класса Белозерского, также участвовавшего в Украйно-славянском обществе, составившего устав общества и преступную рукопись в объяснение этого устава, в уважение того, что он прекратил связи с киевскими славянистами еще в половине 1846 г., при допросах с первого раза сознался во всем с искреннейшим раскаянием, дал точное и положительное сведение об обществе, заключить в крепость на 4 месяца и потом определить в гражданскую службу, но вне министерства народного просвещения, не лишая преимуществ прежде приобретенных и с тем, чтобы начальство имело за ним наблюдение. В службу его определить или в С.-Петербург, или в одной из великороссийских губерний, но отнюдь не в Малороссии, доколе не докажет безвредность своего образа мыслей усердною службою и степенным поведением. Не могу умолчать, что Белозерский обладает большими способностями и потому следует иметь его виду для употребления на службе там, где он может быть наиболее полезен, особенно, когда будет в виду высшего начальства 157

4. Художника Шевченко за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений 158.

5. [Чиновника] 9-го класса Кулиша, неумеренного в неправильных понятиях о Малороссии, во внимании к тому, что он сам с ужасом видит ныне тот вред, который мог произойти от его сочинений, и показывает искреннее сожаление о прежнем своем заблуждении, происходившем от избытка любви к своей родине, заключить в крепость на четыре месяца и потом отправить в одну из отдаленных великороссийских губерний на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, не увольняя его ни в Малороссию, ни за границу, и с тем, чтобы цензура обращала строжайшее внимание на его сочинения, если он будет печатать их отдельно или в журналах 159.

6. Студента Андрузского, который сочинял возмутительные стихи и проекты о государственном преобразовании, доходя в них до республиканских мыслей, и сделал сначала многие ложные показания, в уважение того, что слишком молод и летами, и душою, искренно повинился в своих преступлениях, хотя является пылким украинофилом, говоря, что он никогда не отступится ни от малороссийского языка, ни от любви к своей родине, отправить для окончания курса в Казанский университет и потом определить на службу в великороссийские губернии с учреждением за ним и во время учения, и потом на службе строгого надзора и не увольнять в Малороссию.

7. Действительного студента 12-го класса Навроцкого, виновного не столько по сближению с украйно-славянистами, сколько по упорству в несознании, выдержать шесть месяцев на гауптвахте и потом определить на службу в одну из отдаленных великороссийских губерний, с учреждением над ним строгого надзора 160.

8. Студента Посяду, писавшего в преувеличенном виде о бедствии малороссийских крестьян, вменить в наказание содержание под арестом, отправить в Казанский университет для окончания курса наук, а потом определить на службу в великороссийские губернии.

9. Напечатанные сочинения Шевченко «Кобзарь», Кулиша «Повесть об украинском народе», «Украина» и «Михайло Чарнышенко» и Костомарова «Украинские баллады» и «Ветка» запретить и изъять из продажи 161.

10. Цензорам, дозволившим печатать сочинения Костомарова, Кулиша и Шевченко, сделать строгий выговор с тем, чтобы это не лишало их никаких прав, службою приобретенных, как людей, отлично аттестованных и сделавших ошибку более по неосмотрительности, нежели по умыслу и, сверх того, повелеть министру народного просвещения, чтоб предписал вообще цензорам обращать на труды литературные более строгое внимание.

11. Генерал-адъютантам Бибикову и Кокошкину сообщить, чтобы они наблюдали во вверенных им губерниях не остались ли в обращении стихотворения Шевченко, рукопись «Закон божий» и другие возмутительные сочинения, также не питаются ли мыслями о прежней вольнице, гетманщине и об правах на отдельное существование, чтобы обращали внимание на тех, которые особенно занимаются малороссийскими древностями, историею и литературою, и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но самым незаметным и осторожным образом, без явных преследований и, сколь возможно, не раздражая уроженцев Малороссии.

12. Студента Петрова, который доставил правительству возможность открыть Украино-славянское общество и прекратить зло в самом начале, определить сверх штата в III отделение с. е. и. в. канцелярии с правами действительного студента, выдержавшего экзамен, выдав ему на обмундирование 500 руб. серебром с тем, чтобы впоследствии сделано было ему приличное денежное вспомоществование, смотря по степени его усердия и службе. Сверх того, матери его, получающей пенсию вместе с детьми 100 руб. серебром, увеличить эту пенсию до 200 руб. серебром в год.

Испрашивая разрешения вашего и. в. на приведение моего мнения в должное исполнение, всеподданнейше присовокупляю, что счастливое обнаружение Украино-славянского общества и уничтожение оногo в самом корне, конечно, упрочит на десятки лет то спокойствие в Малороссии, которое там могло быть нарушено.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов

Скрепил генерал-лейтенант Дубельт

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

26 мая 1847 г.

Помітка Л. В. Дубельта: На подлинном собственною его величества рукою написано карандашом: «Исполнить» 28 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 163 — 182. Копія.

Опубл.: Русский архив. — 1894. — 16 7. — С. 335 — 347.

Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. — К.: Наук. думка. 1990. — Т. 1. — С. 62-70.

150 Слов'янофіли — один із напрямків суспільної думки в Росії 30 — 60-х рр. XIX ст., що об'єднував представників різних верств та станів — дворян, чиновників, купців, учених, письменників та ін.

151 Див. т. 3, док. № 395 — 399.

152 Див. прим. 80.

153 Див. док. № 501.

154 Українофільство — офіційний термін, яким у дореволюційний час визначався український національний рух. Цей термін вперше з'явився у першій половині XIX ст. поряд з слов'янофільством і вживався до діячів України, які виступали за створення літератури українською мовою, збирання й збереження пам'яток народної творчості, безперешкодний розвиток української національної культури. Царський уряд відносив до українофілів і кирило-мефодіївців.

155 Збоку висновків помітка: Собственною его величества рукою написано карандашом: «Буде исправиться в образе мыслей». Верно: генерал-лейтенант Дубельт.

156 Збоку висновків помітка: «В Вятскую губернию». Верно: генерал-лейтенант Дубельт.

157 Збоку проти висновків: «За откровенность прямо на службу в Олонецкую губернию под надзор». Верно: генерал-лейтенант Дубельт.

158 Збоку проти висновків: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать». Верно: генерал-лейтенант Дубельт.

159 Збоку проти висновків: «Запретить писать и на службу в Вологду». Верно: генерал-лейтенант Дубельт.

Див. також т. 2, док. № 80, 83, 84.

160 Збоку проти висновків: «в Вятку». Верно: генерал-лейтенант Дубельт.

161 2 червня 1847 р. С. С. Уваров дописав О. С. Траскіну: «Сочинение г. Шевченко «Кобзарь» (1840), г. Кулиша «Повесть об украинском народе» (1846), «Україна» (1843), «Михайло Чарнишенко» (1843) и г. Костомарова (под псевдонимом Иеремии Галки) «Украинские баллады» (1839) и «Ветка» (1840) подвергнуты запрещению» (Держархів м. Києва. — Ф. 16, оп. 261, 1847 р., спр. 18. — Арк. 2). 13 вересня 1847 р. О. С. Траскін наказав завести таємне «Дело об истребовании из библиотек училищ и Киевского учебного округа запрещенных сочинений гг. Кулиша, Костомарова и Шевченко», а також видав розпорядження директорам училищ і гімназій про вилучення вказаних книжок з бібліотек. З свого боку, Д. І. Бібіков наказав київському, волинському і подільському губернаторам, останні ж — земським справам: «Запрещенные сочинения Шевченко, Кулиша и Костомарова, если у кого окажутся, следует отбирать, но без всяких розысков и обысков» (Держархів м. Києва. — Ф. 2, оп. 3, 1847 р., спр. 7577. — Арк. 1 — 4).

Етимологія та історія української мови:

Датчанин: В основі української назви датчани лежить долучення староукраїнської книжності до європейського контексту, до грецькомовної і латинськомовної науки. Саме із західних джерел прийшла -т- основи. І коли наші сучасники вживають назв датський, датчанин, то, навіть не здогадуючись, ступають по слідах, прокладених півтисячоліття тому предками, які перебували у великій європейській культурній спільноті. (. . .)

Якщо помітили помилку набору на цій сторінці, виділіть ціле слово мишкою та натисніть Ctrl+Enter.